

"Легко ли быть молодым?" Так назывался материал, опубликованный в "ЭС" № 42, которым газета начала обсуждение проблем недавних выпускников театральных вузов. Каковы отличительные черты нового поколения? Как оценивают они современную театральную ситуацию? Что мешает их творческой самореализации?

Сегодня мы предоставляем слово молодым актерам Ирине Гриневой и Вадиму Колганову, интересно заявившим о себе в спектаклях Московского театра имени К.С.Станиславского. В нашем разговоре принимает участие режиссер Владимир Мирзоев, обладающий редким талантом находить и развивать яркие актерские индивидуальности.

— Когда ты пришла из училища в профессиональный театр, какие у тебя были первые впечатления?

— В Москве мне повезло, я попала в театр Анатолия Васильева. А у Васильева — лучше, чем в институте. Актер постоянно в работе, постоянно читает, причем читает Платона, Канта. Этот особенный, чистый театр меня воспитал. После "Школы драматического искусства", куда бы я ни показывалась, меня всюду брали.

— Почему ты выбрала работу с Владимиром Мирзоевым?

— В режиссере я ценю ум. Поначалу мне было очень трудно овладеть сложным языком Мирзоева и я не понимала, чего он от меня хочет. Но со временем я стала понимать режиссера. Мирзоев открыл во мне что-то новое, о чем я не подозревала.

— Можно ли импровизировать в спектаклях этого режиссера?

— Мне кажется, если человек талантлив, — ему легко импровизировать, самостоятельно готовить роли. Но когда он попадает в жесткие рамки, порой талант ему изменяет. И я решила для себя: если усилием воли смогу в неживой, казалось бы, структуре сделать живой образ, — достигну большего.

— Что интересней: репетировать или играть в спектакле?

— Репетиции — дело парниковое. Тебя окучивают как росточек, а выходишь на сцену и все меняется. Перед каждым спектаклем я думаю: "Вот сейчас придут люди, два часа мы будем вместе. И если мне нечего им сказать, то я два часа своей жизни проведу впустую". Поэтому необходимо, чтобы произошел прорыв, чтобы возник контакт со зрителем, чтобы возникла взаимная любовь.

— Этот контакт, наверное, легче установить в условиях малой сцены?

— Наоборот. Играть в камерном спектакле сложнее, потому что зритель сидит у тебя перед глазами и все должно быть по-настоящему. Это своего рода "мини кино". Совершенно иное — большой зал —

зритель воспринимается как что-то единое.

— Чего тебе не хватает в современном театре?

— Меня ужасает наше поколение. Наше бескультурье. Отсутствие корней. Когда читаешь мемуары старых актеров, удивляешься высочайшему уровню культуры, их образованности. Марлен Дитрих, например, владела тремя языками, играла на трех музыкальных инструментах. Она была не только актрисой, но исторической личностью.

— Что мешает молодому актеру стать личностью?

— У нас до сих пор в театре молодые роли играют актеры среднего поколения. Все еще "Джульетта — роль возрастная". Я играю в "Дебют-центре" и считаю, что таких центров должно быть больше. Нужно давать молодому возможность проявиться. Должна быть альтернатива. Получается ведь как: приходят молодые люди в театр и играют в массовке по пять лет. Человек устает ждать и поги-

бает как актер. А еще должны быть Саввы Морозовы, которые помогут театру выстоять.

— Нужна принципиально новая организация театрального дела?

— Может быть, стоит оглянуться назад, вспомнить об ангажементе, который существовал до революции. Это прекрасная система, естественный обмен: провинциальные актеры приезжают в Москву, актеры из столицы едут в провинцию. И актеры, и режиссеры должны двигаться в пространстве, переезжать

Владимир Мирзоев: «Для меня актеры — совершенно героические существа»

Самое ценное в актере — открытость сознания, готовность к исследованию. Любое творчество — это открытие, исследование. Поэтому, если актер приходит с абсолютно твердым пониманием того, что хорошо, а что плохо, с ним тяжело работать — потому что это закрытое сознание, ориентированное на то, что уже изучено; я бы даже назвал такое сознание ретроградным, неспособным к поиску, к изучению новых стилей и языков театра. Особенности нынешнего актерского поколения — это прежде всего особенности нынешней эпохи. Молодые легче бросаются в неизвестное. Сейчас молодому человеку быть консервативным в своем подходе к театру сложнее, чем это было в пору моей молодости. Но есть и издержки: много лишней суеты, приходится зарабатывать себе на хлеб одним способом, а жить в искусстве — другим. Сейчас трудно найти людей, которые готовы жертвовать всем своим временем без достаточной материальной компенсации.

Для меня очень важно, чтобы актер, с которым я работаю, от начала до конца сохранял свободу воли, свободу выбора. Мне важно, чтобы он был моим партнером. Актер-марионетка мне совершенно не интересна. Интересно — работать с людьми, личностно полноценными, пытающимися себя совершенствовать и готовыми идти вместе со спектаклем за границы изведенного.

Что касается раскованности, то я думаю, любой актер идет на сцену, чтобы преодолеть страх. Перебывая через этот страх, обнажая свое подсознание перед публикой, актер на каждом спектакле демонстрирует главные категории, которые изначально вложил в человека Творец. Образ, который видит зритель, синтезирован из текста автора, личности актера и моих предложений. В итоге все делается ради свободы, а не ради того, чтобы читать текст со сцены или радовать глаз зрителя. "Сцементировать" ансамбль помогает тренинг. Он необходим, чтобы побыстрее нащупать дорожки друг к другу. Ведь прежде чем начинать работать, нужно понять, кто на каком языке говорит, насколько мы понимаем друг друга без слов — это тоже очень важно, ведь не все доступно логике. Не каждый аспект работы над спектаклем связан с анализом, с рациональным пониманием текста. Есть некоторые слои в этой работе, которые не поддаются логическому инструменту. А для того, чтобы понять, какие еще нужны инструменты, чтобы затанцевать актеров в игровое поле, сблизить их друг с другом, с автором, с режиссером, и нужен тренинг. После него мы лучше чувствуем друг друга и работаем уже как ансамбль.

Для меня актеры — совершенно героические существа. Мы порой недооцениваем степень смелости и открытости, которую они демонстрируют, выходя на сцену.

Ирина Гринева — уникально одаренная актриса. Она изумительна в движении, обладает прекрасным голосом, сценическим обаянием и просто красотой, к тому же у нее потрясающий темперамент. Она родилась 6 февраля — в день, посвященный Афродите, и, мне кажется, что эта богиня наделила ее множеством своих даров.

Ира — универсальная актриса; она может играть простушку, аристократку, старуху, девочку... И главное, Ира обладает тем качеством, которое для меня важно, — способностью переключаться из одной стилистической системы в другую. Ей интересно делать то, что ей незнакомо; рутинность гасит ее вдохновение.

Вадим Колганов обладает природным комедийным даром, а это очень редко встречается в чистом виде. Как киноактер, Вадим одарен идеальным чувством правды, он не соврет на сцене ни при каких обстоятельствах.

В отличие от Иры, Вадим достаточно консервативен, боится выходить на незнакомые территории. Но его органика позволяет нам выходить на эти пространства. Он как человек, оказавшийся среди иностранцев и не знающий их языка, изумительно имитирует понимание. Вадим поразительно восприимчив и порой говорит на тарабарском, который трудно отличить от оригинала.

— Роль Шута в "Двенадцатой ночи" — вторая твоя работа с режиссером Владимиром Мирзоевым. Его спектакли отличает острая форма, он предлагает актеру достаточно жесткий способ существования

— Поначалу меня удивляло, что зритель каждый раз другой. Но постепенно я привык и понял, что зал не обязан "стоять на ушах" там, где мы этого хотим, не обязан молчать или соглашаться. Независимо от того, какой зритель пришел на этот раз, спектакль не должен терять градус. Только благодаря публике создается объем спектакля.

— Легко ли сейчас быть молодым актером в труппе? Приходится ли тебе как-то выстраивать иерархию отношений со "звездами" или мэтрами?

— "Звезда" в моем понимании — это человек, уважающий партнера, способный протянуть руку. Мне очень приятно работать в "Угрошении строптивой" с Максимом Сухановым! Он располагает к себе, не давит, старается установить контакт, а это очень ценно. В "Школе современной пьесы" мне повеселилось общаться и играть с Львом Дуровым, Валентиной Талызиной, Татьяной Васильевой, Альбертом Филозовым. Я предпочитаю работать, а не подлаживаться. Есть работа — работаем. Нет — разбежались!

— Есть что-то, что тебя не устраивает в нынешнем театре, да и вообще в нашем времени?

— Прежде всего мне кажется неправильным, что в театральных вузах берут сразу после школы. Человек еще не определился, он стоит перед выбором. Помогать ему ошибаться? Зачем?! Я поступил в 23 года и ничуть не жалею. Если бы я начал учиться во ВГИКе сразу после десяти-

Ирина Гринева:

из города в город. Я не думаю, что нас ждут какие-то кардинальные перемены. Но я точно знаю одно: в России будет хороший театр. А вот, каким он будет, я еще не знаю. Уверена, что школа Васильева станет известна в будущем, и по трудам режиссера будут учиться.

— О каких ролях ты мечтаешь?

— Я бы хотела сыграть Мут-эм-зет в "Иосифе и его братьях", Катрину в "Угрошении строптивой", Элизу в "Пигмалионе", Сальери в "Моцарте и Сальери". Сейчас режиссеры боятся показаться сентиментальными. "Стеб" в моде, принято с иронией относиться к любви. Мне кажется, сейчас самое время возрождать чистое искусство. Мы устали от интерпретаций. Ведь театр — область прекрасного, зритель, пришедший в театр, должен испытать катарсис. Настоящие актеры — это люди, которые останавливают время. Очень сложно стать настоящим актером.

— Что для этого нужно сделать?

— Нужно работать, много читать, правильно жить. Если у человека что-то неладит в душе, вряд ли он может быть творцом.

— Когда ты играешь Оливию, чувствуется, что ты не боишься быть смешной.

— В человеке есть все. Злого героя нужно играть как доброго, в красавице — искать смешное, чтобы они были живыми.

того класса, я был бы совершенно другим человеком.

Время поменялось. Педагоги мельче, "звезды" мельче. А мне нравится старое кино, 50-е годы, черно-белое прошлое... Тогда было очень много романтики — того, что сейчас стерлось. Сегодня — есть деньги — можно снять в кино. Зрителю навязывают совершенно любительский уровень кинематографа. И все же нашим временем надо пользоваться. Ведь столько возможностей: можно попробовать и тут, и там. Я считаю, что актер не должен отдавать всю свою судьбу только одному театру. Во-первых, это неблагоприятное дело, во-вторых, актер не кошка, у него нет девяти жизней! Он может сыграть девять ролей, но жизнь у него все равно одна! Актер должен попробовать себя в разных жанрах, даже в рекламе, — почему нет? Существует возможность для самовыражения "на стороне". Меня, например, занимает компьютерная анимация.

— Как ты думаешь, что изменится в театре XXI века?

— Я думаю, что театр многое позаимствует у кино.

— Что именно?

— Динамику, красочность, клиповость. Какие-то технические особенности.

— А это не вытеснит актера?

— Актера и зрителя заменить техникой нельзя. Нельзя же нажать кнопку и включить аплодисменты! Театр — это волшебная связь: актер — зритель. Если эта связь будет, то самые новомодные технические вещи пойдут только на пользу спектаклю.

Театр — это место, где можно медитировать, пропадать, проваливаться куда-то, где можно забыться и немножко помечтать.

Беседовала
Дарья БОРИСОВА

Вадим Колганов

на сцене. Сложно работать с Мирзоевым?

— Режиссуру Мирзоева можно назвать сложной, но это не значит, что она непостижима. Сначала я не все принимал, это немного другой для меня театр, раньше я с таким не сталкивался. Но актеры и режиссеры часто не согласны друг с другом. И это нормально! Благодаря спорам и экспериментам человек движется вперед, а не стоит на месте. Я люблю репетировать. Во время спектакля существуют четкие рамки — мизансцена, ритм и так далее. На репетициях есть возможность импровизировать, не зависеть от света. Со временем, конечно, в спектакле "располагаться" и тогда уже можно "полетать". Но на репетициях это происходит чаще.

— Считаешь ли ты, что публика всегда права?